

Из-за того, что его разбудили ни свет ни заря, он толком не выспался и не отдохнул. Восемнадцатилетний Сын Неба восседал в тронном зале с прескверным выражением лица.

Регент шагнул вперёд с правого фланга и поинтересовался:

— Есть ли сегодня доклады к прочтению?

Юноша приподнял веки и поправил его:

— Есть ли доклады о ситуации в Хуайнани?

Лицо Дуань Цзинъаня заметно помрачнело, и он повторил:

— Есть ли доклады о ситуации в Хуайнани?

Придворные переглядывались друг с другом. Один престарелый чиновник уже было нерешительно шагнул вперёд, как другой перехватил у него инициативу:

— Докладываю Вашему Величеству: с тех пор как господин Чэнь отправился с инспекцией в Хуайнань, дела там пришли в норму. Местные чиновники растерялись, но, к счастью, господин Чэнь лично прибыл на место для надзора, и в конце концов простому народу удалось пережить суровую зиму. Говорят, господин Чэнь скакал сломя голову, погнав коней так, что несколько из них пали в пути. Слухи докатились даже до столицы — мол, когда господин Чэнь возвращался в столицу, жители Хуайнани провожали его всей толпой, выстроившись вдоль дороги.

Ну и заливают же.

Дуань Чанчуань притворился озадаченным и приподнял брови:

— О? Такая великая заслуга, почему же я не получил прошения о награждении? В Хуайнани народное сердце преисполнено преданности, но я, находясь во дворец, почему-то ничего об этом не слышал.

— Докладываю Вашему Величеству... Вероятно... вероятно, господин Чэнь хотел сделать Вашему Величеству сюрприз...

— Есть ли у уважаемых сановников ещё доклады? Если докладов нет, то заседание окончено.

Решив столь важное дело, Дуань Чанчуань шёл лёгкой походкой.

На мгновение в тронном зале, где собралось ровно больше сотни человек, воцарилась абсолютная тишина.

Они поспешно пали ниц, простираясь перед троном, и дрожащим голосом стали молить о

помиловании:

— Ваше... Ваше Величество, министры умоляют Ваше Величество о снисхождении...

Тот скрипел зубами от злости:

— Прекрасно.

Юнь Се усмехнулся:

— Ну как не сказать, что Императрица — та ещё штучка! Эй, говорят, это она лично отдала приказ заставить Дуань Цзиньаня стоять на коленях? По мне так, раз уж хочется порвать отношения, так рвите их открыто. Ты же Верховный правитель, почему позволяешь себе жить в таком унижении?

Затем он повернулся к прислуживающей рядом Чанлэ:

— Объяви мою волю: господин Чэнь преуспел в усмирении бедствия, чем я чрезвычайно доволен. Особым указом повелеваю генералу Жун У выступить ему навстречу.

Давящее чувство становилось всё сильнее.

Юноша оправил полы одежды, подошёл и с улыбкой сел:

— Угадай, что было сегодня? Дядя-князь неожиданно опустился передо мной на колени прямо перед всеми чиновниками. Просто невероятно.

А сидевший на самом главном месте юноша держал спину прямо, губы его были крепко сжаты, и он не делал ни единого движения.

Дуань Чанчуань взял чашку, и его глаза изогнулись полумесяцем, точь-в-точь как у маленького лисёнка:

— Если бы я знал, что его можно усмирить вот так, давно бы уже воспользовался этим способом.

Указ уже был полностью оглашен, и лишь после этого он с видом благочестивой невинности обратился к Дуань Цзиньаню:

— Что думает дядя-князь?

Юноша лениво откинулся назад, глядя на конноспортивную площадку на юге, и произнес:

— К чему спешить? Ещё не время. Тот, кто не умеет сдерживать малые порывы, рискует испортить великое дело.

Регент окинул всё вокруг долгим взглядом... и в конце концов нехотя вышел вперёд, опустился на одно колено и произнёс:

— Докладываю Вашему Величеству: прошение, поданное господином Чэнем в спешке, прибыло только сегодня рано утром. Министр собирался преподнести его лично вам, но по недосмотру слуг свиток не принесли в тронный зал. Ваше Величество... смилуйтесь.

Молодой человек фыркнул и наполнил до краёв чашку перед ним:

— Разве не удивительно? Нашёлся вельможа благородной крови, заставивший его склонять голову целых полчаса прямо на пиру. Сразу после банкета в резиденцию пришлось экстренно вызывать лекаря: говорят, от старости у него совсем занемогла шея, и теперь ему категорически запрещено опускать голову.

Юнь Се вздохнул:

— Ладно-ладно, воля твоя — закон. Как бы то ни было, в этом дворце внезапно появилась особа, играющая не по правилам, и взбаламутить эту мутную воду — дело неплохое. Мне только становится смешно всякий раз, когда я вспоминаю, что этого смутьяна во дворце своими же руками доставили Дуань Цзинъань и старик Бай.

Он договорился с Юнь Се выпить чаю у озера. Когда он добрался до беседки, юноша в одеждах цвета тёмного сукна уже заварил чай и вовсю наслаждался им.

Всего одно слово — и с лбов стоящих внизу чиновников градом потёк пот.

Выражение лица юноши ничуть не изменилось, он холодно произнёс:

— Такая грандиозная новость, а её сумели скрыть. Я действительно поражен.

Атмосфера накалилась до предела, дыхание всех присутствующих стало тяжелым и прерывистым.

Юный Сын Неба тронул уголками губ, мгновенно сменил выражение лица и сказал:

— Я просто к словумолвил, уважаемому сановнику не стоит так трепетать.

Стоило ему опуститься на колени, как и все чиновники в зале последовали его примеру:

— Мы, твои подданные, умоляем Ваше Величество о милосердии.

— Ах да, Канцлер Бай намеренно напился с тобой до беспамятства и изверг всё содержимое желудка ещё до того, как успел добраться до резиденции. Во второй половине ночи его продолжало тошнить жёлчью, и он уснул только под утро, ха-ха-ха, это поистине радует душу!

Юнь Се высказал всё до конца, однако в ответ не последовало ни звука.

Только тогда он заметил, что Дуань Чанчуань по-прежнему смотрит в ту сторону и вовсе не собирается его слушать.

Проследив за взглядом юноши, он увидел: на почти пустом ипподроме женщина в алых одеждах, взмахнув хлыстом, неслась верхом навстречу ветру.

Цокот копыт раздавался всё громче и чаще.

В ней чувствовалась истинная стать и в то же время дикий, необузданный нрав.

— Это... наша Императрица? — с сомнением спросил Юнь Се.

В ответ Дуань Чанчуань закатил глаза:

— Наша?

Тот поспешно исправился:

— Ваша, ваша, ваша собственная.

Только тогда юноша медленно отвёл взгляд:

— У меня в последнее время есть один неразрешенный вопрос, хочу услышать твоё мнение.

Юнь Се:

— О? Выкладывай.

Дуань Чанчуань поманил его пальцем, а затем понизил голос:

— Скажи, может ли существовать в этом мире благовоние, которое действует лишь на определённого человека? Или, скажем так, на конкретную цель. Юноша услышал вопрос, медленно откинулся назад и погрузился в раздумья.

— Если говорить о воздействии лишь на определённого человека, то такое вполне возможно. Одни ароматы созданы только для женщин, другие — исключительно для мужчин, иные предназначены для детей, а некоторые — для беременных. Способы применения благовоний весьма разнообразны, и я знаком с одним мастером-парфюмером... В чём дело, кто-то применил против тебя благовоние?

Юноша нахмурился:

— С тех пор как Императрица вошла во дворец, я то и дело ощущаю от неё некий запах. Сегодня утром он был особенно сильным, вся спальня пропахла. Но я расспрашивал Чанлэ и И Маня — они ничего не почувствовали.

Стоило ему закончить, как собеседник снова погрузился в глубокие размышления.

— Если речь идет о чем-то конкретном, то да, взять хотя бы Чанлэ и И Маня — они оба евнухи. Если это благовоние действует исключительно на мужчин, то на них оно, естественно, не повлияет. Но человеческие носы устроены одинаково, и если запах чувствуешь ты один, это звучит не слишком разумно.

Дуань Чанчуань бормотал в унисон:

— Я тоже считаю, что это неразумно.

— Как насчёт... симитировать болезнь и позвать лекаря? Я велю тому парфюмеру переодеться мальчиком-службой и пойти вместе с Лекарем Фан осмотреть тебя. Мы с тобой не разбираемся в изготовлении благовоний и в свойствах лекарств, гадать здесь в одиночку бесполезно. Велик мир, чего в нём только не бывает, а вдруг и впрямь такое существует.

Дуань Чанчуань повернулся и снова посмотрел на ипподром.

Как раз в этот момент Бай Су легко соскользнула с седла и издалека бросила на них взгляд.

Заметив его, женщина на мгновение замерла, а затем издала отвесила лёгкий поклон.

Её движения были неторопливыми и размеренными, источая ту самую горделивую уверенность, словно весь мир для неё пустое место.

Дуань Чанчуань внезапно вспомнил утренний сон.

Тот тихий смех, когда его держали на весу, казалось, вновь прозвучал прямо у него в ушах.

Он торопливо и смущенно отвел взгляд.

Сидевший напротив Юнь Се, видя, что тот молчит, счёл это за знак несогласия и продолжил:

— Или можешь описать свойства этого аромата и то, как он на тебя влияет, а я расспрошу обо всем знающих людей.

У юноши задрожали ресницы, и на этот раз покраснели даже уши:

— Эм... это цветочный аромат, по-моему, пахнет пионами. На запах... от него начинает сильно биться сердце...

Юнь Се:

— Сердцебиение учащается? Тьфу, да это же обычное возбуждающее средство. А прилив крови к голове случался?

Дуань Чанчуань: ...

Тотчас же вытащив из вазы ветку сливы-мэй, он принялся яростно швырять её в собеседника.

Хотя, если не обращать внимания на его розовые-перерозовые щеки и уши, вид у него был крайне невозмутимый.

Юноша в спешке раскрыл веер, уворачиваясь от летящих снарядов:

— Эй-эй! Цветы сливы так старательно распускались, не стоит разбрасываться ими по пустякам! Я же всего лишь веду допрос как лекарь, не надо бояться врачей.

Дуань Чанчуань:

— Ты просто пришёл поглазеть на представление.

— Ладно-ладно, вернёмся к делу. Запах пиона, говоришь? От него учащается сердцебиение, а что-нибудь ещё?

— Эм... прилив крови к голове.

Юнь Се с трудом сдерживал смех:

— И всё?

Застигнутый врасплох юноша с покрасневшими кончиками ушей зыркнул на него:

— Возбуждающее, и больше ничего! И то совсем чуть-чуть, больше никаких эффектов!

Воинственный вид.

Перебросившись шутками и успокоившись, они принялись чинно попивать чай.

Языки пламени в жаровне весело плясали, наполняя всё вокруг мягким теплом.

Юнь Се внезапно нарушил тишину:

— На самом деле... для девушки без всякой опоры и знатного происхождения, желающей хоть взобраться на драконье ложе, хоть зачать наследника престола, в этом нет ничего удивительного.

Движения Дуань Чанчуаня замерли.

Юнь Се продолжил:

— То письмо, что я передал тебе в прошлый раз, ты ведь прочитал?

Юноша кивнул:

— Прочитал.

— Прожив столько лет в этом человекоубийственном логове, коим является резиденция премьер-министра, Бай Су уж точно не какая-то невинная белая лилия. Во дворце же таких логовищ ещё больше, а положение её столь двусмысленно. Если она хочет выжить, у неё нет иного выхода, кроме как завоевать драконье сердце и понести от императора.

— Но... — тихо возразил Дуань Чанчуань.

Юнь Се перебил его:

— Никаких но. Человек, желающий жить в своё удовольствие, пойдет на любые крайности. Вашему Величеству следовало давно это усвоить: зрите в корень вещей и не позволяйте никакой видимости вводить себя в заблуждение. Разве учитель не учил этому Ваше Величество?

Дуань Чанчуань опустил глаза и больше ничего не ответил.

Разум подсказывал ему, что Юнь Се прав.

Но где-то внутри звучал другой голос — тоненький-тоненький голос нашептывал: «Она не такая».

Она не станет...

Ведь она изначально и не собиралась выживать, верно?

Посидев с Юнь Се у озера ещё немного, Дуань Чанчуань вернулся в свои покои.

Чанлэ принёс чистую повседневную одежду, и он, погружённый в глубокие размышления, не

спеша переодевался.

— Если ты сомневаешься, это ведь очень легко проверить. На худой конец, можно просто позвать её на драконье ложе и посмотреть на её реакцию. Если она по-прежнему страстно предана своему прежнему возлюбленному, то, разумеется, станет сопротивляться.

— А если она покорится течению... В конце концов, всегда можно преподнести ей пиалу отвара, предотвращающего зачатие. Ты — император, она — твоя законная супруга, делить одно ложе для мужа и жены — сущая природная справедливость.

— Ваше Величество, вы — император, живите более легко и свободно. Сердце ваше должно быть жестким, только так вы сможете проглотить эту бескрайнюю Поднебесную.

Слова, сказанные Юнь Се, эхом отдавались в его голове одно за другим.

Он даже не заметил, как за дверью раздался голос И Маня, докладывающего о прибытии...

И абсолютно не услышал женских шагов, раздавшихся снаружи спальни.

Лишь когда дверь со скрипом отворилась и до его слуха долетел звонкий лязг металла, он сообразил, что человек в тёмно-красном костюме для верховой езды уже толкнул дверь и вошёл внутрь.

И этот металлический звук издавали как раз пластины на ее наручах и наколенниках.

— Ты... когда ты вернулась?

— Эм... прошу прощения...

Они заговорили одновременно.

Сначала Дуань Чанчуань немного растерялся, но, увидев, что Бай Су тут же отвернулась, сообразил: только что он снял тяжёлые парадные одежды и остался в одном нижнем белье.

А завязки на воротнике исподнего он в задумчивости сам распустил, так что грудь оказалась широко обнажена.

В голове схлестнулись два голоса.

Один кричал: «Быстрее, проверь её, прямо сейчас!»

Другой возражал: «Стоп! Нельзя, ни в коем случае! Если она отвергнет тебя, ты опозоришься на весь белый свет!»

Юноша посмотрел на спину человека, который так демонстративно избегал смотреть на него, и молча принялся застрять одежду обратно.

[Да ну, пожалуй, я всё же считаю... что лицо мне дороже.]

<http://bllate.org/book/21020/2136744>